

Лава Сан

РАЗВОД

Обойдусь без тебя

Лава Сан

Развод. Обойдусь без тебя

«Литнет»

2025

Сан Л.

Развод. Обойдусь без тебя / Л. Сан — «Литнет», 2025

♥#Эксклюзив♥# ...Тогда муж замахнулся и ударил меня. С размаха. Ладонью по лицу. Пощечина. Больно. Унизительно. По щеке поползло жжение, и я почувствовала, как на нежной коже проступает отпечаток крупной мужской пятерни. Печать моего мужа. Напоминание на несколько дней о том, что у него есть любовница. Даже не любовница, а «любимая женщина». — Домой! — прошипел Эдик. — Иначе пеняй на себя. Прибыю... Следить она за мной вздумала... Моль бледная. Несколько лет я жила в тени мужа-абьюзера, который методично уничтожал мою личность и самооценку. Из последних сил я попыталась разорвать эти цепи и начать новую жизнь... Но монстр не захотел отпускать недоломанную игрушку и пустился по следу... ♥#ХЭ обязательно♥# Книга участница литмоба: “Дальше без тебя”

© Сан Л., 2025

© Литнет, 2025

Содержание

Глава 1. Предательство за дверью	5
Глава 2. А ведь был любящим. Был...	8
Глава 3. Раскрой глаза, глупая!	10
Визуалы героев	14
Глава 4. Побег с Марусей	15
Глава 5. Знакомое лицо	17
Глава 6. Ну и упырь!	19
Глава 7. Родные руки	22
Глава 8. Милый дом и женихи	24
Глава 9. Корова и сплетни	26
Глава 10. Перемен требуют наши сердца!	28
Глава 11. Могила и ведьма	30
Глава 12. Вырви глаз...	32
Глава 13. Смотрины Шурика	34
Глава 14. Банник	36
Глава 15. Недоброе утро	38
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Глава 1. Предательство за дверью

Если бы мне год назад сказали, что я буду подслушивать у чужой двери, я бы рассмеялась в лицо этому выдумщику. Но сейчас мне не до смеха... Он исчез. Закончился. Как и мой брак.

Боже, во что я превратилась?!

Я прижалась к холодной стене подъезда, стараясь не дышать. За дверью квартиры с черной железной дверью звучал голос моего мужа Эдика.

— Милочка, я скучал...

Томный, сладкий, приторный.

Так он и мне говорил в первые месяцы знакомства: «Ева, я так скучал».

На первом свидании в кафе заливался соловьем: «Ты не похожа на городских... Они все фальшивые».

На нашей свадьбе провозгласил: «Ты моя единственная. Мы вместе до скончания веков!»

А теперь...

Теперь я увидела, что вместо офиса, он зашел в чужую квартиру и заливает в уши какой-то Милочке, что скучал по ней.

Я прислушивалась к голосам за дверью, в которую вошел Эдик, а сама чувствовала, как сердце колотится, пытаюсь пробить грудную клетку и выскочить прочь, от разрывающей его горечи и боли. Пакет в руке, что я несла заказчице, слегка шуршал от тряски моих рук. Ноги подгибались...

Я оперлась рукой на окрашенную подъездную стену, чтобы не упасть, и услышала незнакомый женский голос:

— Эдичка, ну когда ты избавишься от своей серой мыши? Я уже устала ждать, — заискивающе и одновременно игриво проворковала любовница, — я хочу, чтобы ты был только мой.

Серая мышь. Вот я кто для них. Для нее, для него, для мужа...

Я машинально потрогала волосы — тугой, зализанный хвостик русых волос, никаких локонов. «Распущенные — для шлюх», — бросал Эдик, когда я пробовала укладываться. Губная помада... «Ты что, на панель собралась?»

Из-под двери любовницы потянуло ароматом дорогих духов. Совсем не таких, как у меня. Мои — дешевый «Розовый туман» был из супермаркета. Когда я хотела купить что-то получше, то услышала от мужа: «Зачем тебе? Ты же либо дома сидишь, либо с бабами работаешь. Или ты себе хахла завела?»

При этом он хмурился и смотрел на меня таким пронизывающим взглядом, словно коршун, готовый схватить свою добычу и растерзать. Свою серую мышь.

— Скоро, детка. Но не сейчас. Мне удобно, что дома чисто и жрать приготовлено, — ответил Эдик, и в его голосе запрыгали веселые нотки. — Прислуга из нее хорошая. Молча все делает. Я не хочу, чтобы ты стала такой. Без меня Евка — ноль без палочки. Никто.

«Без меня ты никто».

Фраза, которую он вбивал в меня каждый день. Сначала шутливо: «Кто тебя, деревенщину, кроме меня возьмёт?». Потом злее: «Ты даже яичницу нормально не пожарить не можешь», хотя я хорошо готовлю. А в прошлом году, когда я осмелилась спросить о детях, то услышала: «Родишь — станешь дурой-наседкой, как другие бабы. А то и разжиреешь».

— Она же страшная, невзрачная! Ты сам ржал, когда ее фотку мне показывал, — захихикала Мила за дверью. — Как ты с ней спишь?

— Представляю тебя вместо нее... А ты, что без меня делала?

— Представляла тебя, Эдичка! Эти цветы просто восхитительны!

Меня словно жгли изнутри... Милочка? Эдичка? Цветы? Все смешалось в моей голове.

Я даже не поняла, как подняла руку и нажала на кнопку звонка.

Дверь распахнулась, и на пороге появилась девушка. В кружевном белье. Красивая, ухоженная, с наглой улыбкой на лице.

— Вам кого? — спросила она, обдав меня приторным ароматом сладких духов.

Я не смогла произнести ни слова. Просто стояла и смотрела на нее, как на привидение.

Я — в старых джинсах и кофте с катышками. Она — в одних трусах и лифчике выглядела королевой по сравнению со мной. В глазах девицы промелькнуло узнавание:

— Ого, — фыркнула она. — Эдик, твоя тень приперлась!

— Ева? Что ты здесь делаешь? — в дверях появился мой муж и сердито посмотрел мне в глаза.

Не растерялся, не смутился... Лишь разозлился!

— Я платье заказчице несла, тебя увидела, — залепетала я, ежась под взглядом супруга.

— А ты, что здесь делаешь, Эдик? С цветами и с этой... этой...

Муж недовольно скривил губы:

— Следила за мной? Как ты посмела?! Тебе не стыдно? Ты хочешь потерять все, что имеешь: жилье, меня, нашу семью? Ты без меня сдохнешь под забором!

— Эдя, кто эта женщина? — плаксиво проныла я.

Возражать и ругаться я не смела. Годы жизни с Эдиком приучили меня к тому, что я уже старая и никому не нужная. Если он меня бросит, то впереди меня ждет лишь одиночество и страдания.

— Это моя любимая женщина, — рыкнул он на меня. — Мила, это, как ты поняла — моя жена.

Девушка презрительно оглядела меня с головы до ног.

— Жена? Да она на уборщицу больше похожа, чем на жену!

Неожиданно во мне закипело отчаяние. Вся боль, все унижения, все обиды, которые я терпела годами, вырвались наружу.

— Как ты мог? Как ты мог так со мной поступить? — закричала я, бросаясь на мужа.

Он схватил меня за руки, больно сжав запястья.

— Заткнись! Не позорь меня перед людьми! Деревенщина никчемная.

— Это ты меня не опозорил, — простонала я. — Когда врал, когда обманывал меня с этой девкой!

— Ты — истеричка! Я не собираюсь с тобой тут разбираться. Иди домой и жди меня. У нас будет серьезный разговор, — прорычал Эдик.

Девушка подбоченилась, не стесняясь своей наготы, и высокомерно ухмыльнулась:

— Эдя, да отпусти ты её. Пусть посмотрит, как настоящие женщины выглядят.

— Ты выглядишь как проститутка, а не как женщина! — в полном отчаянии выкрикнула я.

И тогда муж замахнулся и ударил меня. С размаха. Ладонью по лицу.

Пощечина.

Больно. Унизительно.

По щеке поползло жжение, и я почувствовала, как на нежной коже проступает отпечаток крупной мужской пятерни. Печать моего мужа. Напоминание на несколько дней о том, что у него есть любовница. Даже не любовница, а «любимая женщина».

Раньше его воспитание меня ограничивалось словами. Теперь же он пустил в ход физическую силу.

— Домой! — прошипел Эдик. — Иначе пеняй на себя. Прибыю... Следить она за мной вздумала... Моля бледная.

Он вытолкнул меня за дверь и захлопнул ее перед моим носом. Я услышала, как Мила злобно захохотала:

— Ну и овца...

Я стояла в подъезде, оглушенная, униженная, растоптанная. Слезы текли по моим щекам, капая с подбородка на ворот кофты.

Что мне делать? Куда идти?

Ноги не слушались, и я опустилась на бетонный пол.

Я чувствовала себя абсолютно беспомощной и одинокой. Сидела и ошарашенно таранилась на ненавистную дверь, а смех девицы прорывался сквозь неё:

— Бедняжка... Даже ударить её по-настоящему жалко. Сломается... Как ты с ней вообще жил? Да еще и трахал!

— Сейчас я тебе покажу, как, — захохотал муж и раздался звонкий шлепок...

Глава 2. А ведь был любящим. Был...

Звук смеха любовников отдалился от входной двери, а я продолжала отрешенно сидеть на холодном бетоне. Слезы прокладывали себе новые дорожки на щеках, но я их даже не утирала. Зачем?

Мне уже двадцать шесть лет. Я старая и никому не нужна. Мой удел — следить за домом и угождать мужу.

Все четыре года замужества Эдик втолковывал мне эти истины семейной жизни. Сначала я думала, что он ошибается, а потом поверила.

На меня и правда перестали оборачиваться мужчины и подмигивать парни. А я перестала улыбаться...

Все началось, когда я училась на четвертом курсе в Текстильном институте на модельера-конструктора. В тот осенний день мы с девчонками собирались на день рождения к нашей одногруппнице. Сама она была местная — городская, а мы — поселково-деревенские девчонки жили в общежитии. В одиннадцать вечера комендантша запирала дверь, и до этого времени нужно было вернуться. Мы торопились, чтобы успеть все: за столом посидеть, погулять и потанцевать в клубе на дискотеке.

Я накручивала плойкой свои каштановые волосы, которые только на прошлой неделе покрасила, и радовалась новому длинному элегантному платью, которое сама себе сшила.

Когда мы были готовы к выходу: накрашены, наряжены и причесаны, я весело сказала: — Погнали, девчули! У меня предчувствие, что сегодня случится что-то необыкновенное!

Да, я тогда была веселой, яркой и уверенной в себе девушкой
Была...

И все необыкновенное действительно случилось в тот самый вечер: на день рождения пришел Эдуард. Статный, умный, уверенный в себе молодой мужчина. И красивый. Менеджер крупного страхового агентства.

Он сразу обратил на меня внимание и сел за стол рядом. Так мы и начали встречаться: романтика, любовь, счастье, предложение руки и сердца... Какой же он тогда был заботливый и внимательный. И нежный.

Был...

Свадьбу сыграли скромно. У него родни было немного, а у меня и того меньше. В город, где гуляли, приехали только мама с бабушкой, да дядя с тетей и двоюродной сестрой, которая и стала моей свидетельницей.

Тогда я впервые слышала упрек от Эдика:

— Подарками от твоих даже треть стола не окупили... Бесприданница ты у меня. Селянка.

Потом я окончила институт и пошла на швейную фабрику закройщицей. Вакансии модельеров-конструкторов были заняты.

Прожив пару лет в браке, я перестала пользоваться косметикой, потому что:

— Морды размалевывают только шлюхи, ищущие себе очередного мужика, — твердил муж.

Я перестала красить волосы и отпустила свои, русые. Правда, на красивые прически тоже со временем наложился запрет:

— К чему тебе кудри завивать. Ты и так красивая. Если увижу, что на тебя другие смотрят, паранджу надену. Не огорчай меня, милая. Просто собери волосы в хвостик и так ходи. И тебе хорошо, и мне спокойно.

Меня поначалу это веселило, казалось милым. Я смеялась и спрашивала:

— Как же ты в меня влюбиться умудрился? Я же была с локонами, и лицо с косметикой. Эдик меня целовал, обнимал и прижимал к себе:

— Ты была скромной и веселой. И платье у тебя было хорошее. Не короткое, как у остальных.

— Тебе надо было в мусульманской стране родиться, где законы строгие. Там бы тебе все женщины прекрасными казались, — развлекалась я, представляя его шейхом в гареме, — у всех девушек длинные юбки, платки на головах, руки закрытые...

— Фантазерка ты моя глупенькая, — умилялся муж, — не мели ерунду.

Потом я все чаще стала это слышать: глупенькая, дурочка, не говори глупости, не носишь...

Я перестала высказывать вслух свои смешные фантазии, вспоминать услышанные где-то анекдоты, улыбаться... Ведь смех и улыбки без веской причины — признак дурачины. А точнее, дебилизма тупых людей. Так говорил мой Эдуард.

Я не хотела казаться дурой. А значит, и улыбаться лишний раз ни к чему. Он у меня умный. Я должна ему соответствовать, а не позорить на людях. Я жена приличного человека, а не клоунесса с красным носом. Еще не хватало, чтобы надо мной смеялись, а потом в Эдика пальцем тыкали:

— Смотрите, это муж той дуры идет, которая вчера полную ахинею несла и хихикала...

Так втолковывал мне супруг, когда перестал брать с собой на встречи общих друзей и корпоративы его страховой компании. Хотя первый год совместной жизни он не стеснялся меня людям показывать.

После того как я несколько раз подряд оставалась дома, а он шел праздновать, я попыталась с ним поговорить. Выяснить, почему я должна ждать его дома, пока он развлекается.

— Эдя, но раньше мы вместе ходили. Что пошло не так? — допытывалась я.

— Просто теперь коллектив собирается без своих пар, — отвечал муж, — не накручивай себя. Для твоего женского ума вредно столько думать.

А потом я встретила жену одного из коллег Эдика, и та меня спросила:

— Ева, а чего ты на последние корпоративы с мужем не приходила?

— Болела, — соврала я.

А потом долго плакала, заперевшись в ванной.

Когда я попросила у него объяснений, то услышала:

— Я думал, что ты лучше остальных... Чистая, домашняя. А ты такая же, как и все остальные бабы: одни гулянки и развлечения на уме! Ты меня разочаровала, Ева... Я столько раз видел, как жены моих приятелей напивались и развратно танцевали при всех, что решил уберечь тебя от такого позора. Но вижу, что тебе не терпится на халяву бухнуть и задрать платье перед моими коллегами.

Дело заканчивалось тем, что я извинялась за свои наезды и ластилась к нему, как провинившаяся собака, что нагадила посередине ковра в гостиной. А Эдик в итоге меня прощал и снисходительно трепал по волосам:

— Дуреха ты моя. Что бы ты без меня делала... Пропадешь ведь одна в этом мире.

За четыре года брака я уяснила, что без Эдуарда я пропаду. Ведь я — никчемная дурочка из деревни, которая должна жить лишь ради удовлетворения нужд и потребностей супруга.

Книга участвует в литмобе "Дальше без тебя": <https://litnet.com/shrt/Ptiz>

Глава 3. Раскрой глаза, глупая!

Я утерла ладонью слезы с щек, одна из которых горела после пощечины, и только сейчас вспомнила про пакет, что продолжала сжимать в руке.

Платье для заказчицы.

Надо отнести и получить деньги, которые я отдам мужу дома. За финансы у нас отвечает Эдуард.

С трудом поднявшись на ноги, я огляделась. Нужная мне квартира находилась этажом выше. Переставляя ноги с одной ступеньки на другую, я вспоминала сегодняшнее утро...

Помимо работы на швейной фабрике, я подрабатывала пошивом на дому. Уже имелась своя небольшая клиентская база, а сарафанное радио довольных женщин обеспечивало меня регулярными заказами.

Сегодня была суббота, и я собралась отнести готовое вечернее платье Ольге, моей постоянной клиентке. Она находила в интернете интересные модели, а потом звонила мне:

— Ева, у меня новый заказ. Когда сможешь приехать?

Дома принимать клиенток Эдик мне запретил. Когда пришли первые заказчицы, муж высказал недовольство:

— Евочка, почему я должен отсиживаться на кухне, пока твои гости тканями в гостиной обматываются? Я устаю на работе и хочу спокойно посидеть перед телеком. Прекращай это обшивное паломничество.

— Но, Эдя, — попыталась возразить я, — мне нужно снять с них мерки, прикинуть фасон... А примерка должна проходить перед ростовым зеркалом, а такое у нас только в зале...

Муж нахмурился:

— Вот пускай у себя дома и примеряются. Это им нужны новые наряды, а не мне.

— Зато они деньги мне платят за пошив, — сказала я.

— Господи... Ева, — Эдик тогда отвернулся и потер виски пальцами, — почему ты не хочешь меня услышать? Почему не хочешь меня понять? Неужели так сложно понять, что я за целый день на работе успеваю наслушаться трескотни незнакомых людей? Почему ты думаешь, что я хочу по вечерам видеть перед собой левых баб, которые треплются о рюшах, воланах и длине юбок?! Ты совсем меня не любишь и не ценишь!

Он ушел в спальню и хлопнул за собой дверью... А я пошла следом: извиняться за собственный эгоизм. С тех пор я ходила к заказчицам сама после работы.

Вчера после смены на фабрике я просидела за швейной машинкой почти до полуночи, но платье для Ольги дошила. Красивое и элегантное.

Сегодня я удивилась, когда Эдик позавтракал, принял душ и сказал:

— Мне нужно на работу.

— Но сегодня же суббота, — сказала я, — выходной.

— Конец квартала, — пояснил муж, — нужно поколдовать над несколькими договорами, чтобы успеть в срок.

Он надел одну из парадно-выходных рубашек, которые я сама сшила ему, брюки, что я наглаживала для его работы, легкие замшевые ботинки, побрызгался одеколоном и вышел из квартиры. На машине он быстро доедет...

Я тоже не стала терять времени. Нацепила джинсы, кофту, сунула платье в пакет, набросила ремешок сумочки через голову и побежала на остановку. На улице стоял конец апреля, но было очень тепло...

Подходя к дому Ольги, я увидела, что машина Эдика пакуется возле нужного мне подъезда. Он вышел из авто с букетом цветов и направился к двери. Я припустила следом, прячась за деревьями и припаркованными машинами.

Когда я заскочила в подъезд, то услышала, как на втором этаже женский голос говорил:
— Привет. Эдичка.

И звук поцелуя. Потом дверь захлопнулась, а я поспешила подслушать, для кого мой муж стал «Эдичкой»...

Вот вам и утро.

Теперь я получила по мордасам и зареванная шагала по ступенькам, выполняя свое обязательство перед заказчицей.

В голове гудело, щека горела, а сердце разрывалось на части. Потом я позвонила в дверь, стараясь унять дрожь в руках.

Ольга открыла почти сразу. Увидев мое заплаканное лицо и красную отметину на щеке, она ахнула.

— Ева! Боже мой, что случилось?! — она тут же втянула меня в квартиру.

Я молча протянула ей пакет с платьем, стараясь не разрыдаться снова.

— Вот, ваше платье... Готово.

Ольга взяла платье, но, казалось, совсем не обратила на него внимания. Она внимательно смотрела на меня, ее глаза были полны сочувствия.

— Разувайся и проходи в зал, — скомандовала она, — я тебя в таком состоянии не отпущу.

Пока я развязывала шнурки на кроссовках, она сбегала на кухню, вернулась в прихожую с пакетом замороженных овощей для жарки и потянула меня за руку в гостиную.

— Садись, милая, расскажи все, — она усадила меня на диван и протянула ледяной кулек, — приложи к щеке. Водичку будешь?

Я молча кивнула и прижала к горячей щеке овощи. Ольга снова сбегала на кухню и протянула мне стакан воды:

— Что случилось? На тебя напали?

Я залпом выпила воду и, наконец, разрыдалась. Молчать и держать в себе обиду больше не было сил. Я рассказала ей все: про Эдика, про его любовницу, про пощечину, про унижения. Рассказала про свою загубленную семейную жизнь, про потерянную самооценку.

Ольга слушала молча, лишь изредка поглаживая меня по руке. Когда я закончила, она вздохнула.

— Ева, ну как ты могла так долго это терпеть? Он же классический абьюзер!

— Я... Я не знаю, — всхлипывала я, — думала, что это нормально. Я же уже старая. Мне давно не восемнадцать лет. Я никому не нужна, кроме него. Я некрасивая, глупая, никчемная. Молюсь, бледная, серая мышь, — я снова заплакала.

Ольга обняла меня и убедительно заговорила:

— Ева, посмотри на себя! Ты молодая, красивая, талантливая женщина. Не позволяй никому тебя унижать! Этот Эдик — просто моральный урод. Он же сломал тебе жизнь... А все, что он говорил, это полный бред!

— Но он же прав! — воскликнула я. — Все по фактам.

— Даже самая полнейшая чушь, сказанная тысячу раз, становится истинной! А у абьюзеров это самый любимый прием — повторять уничижительные фразочки изо дня в день, чтобы жертва поверила во всю эту хрень, и впала в зависимость от хозяина! — Ольга разозлилась не на шутку. — Ева, блин, ты живешь в мире интернета! Неужели ни разу не читала статей о домашних тиранах, газлайтерах, абьюзерах?

Я молча помотала головой и высморкалась в бумажный платочек, пачку которых выдала мне заказчица.

— А отец с матерью у тебя нормально общались? — спросила она.

— Папа на машине разбился, когда мне шесть лет было, — произнесла я, через судорожные вздохи, — но он был добрым. Меня мама с бабушкой растили.

Ольга присела рядом и вздохнула:

— Ясно. Ноль опыта, так еще и на упыря нарвалась. Он же тебя почти сожрал. Разуй глаза, милая!

— Но что мне делать? Куда мне идти? У меня никого нет, — я была в отчаянии.

— Есть! — Ольга пристукнула кулаком по диванной подушке. — У тебя есть ты сама. И у тебя есть родной дом. Мама и бабушка. Ты не одна, Ева. И тебе нужно уйти от этого тирана. Развестись и начать новую жизнь.

— Развестись? Я не смогу. Он меня не отпустит. Он говорил, что я сама к нему на коленях приползу, — я боялась даже представить себе, что будет, если я попытаюсь уйти от Эдика.

— Ева, не бойся! Собери в кулак остатки гордости и чувства собственного достоинства. Брось его. И уезжай. Сбеги, пока его нет дома. Хоть куда-нибудь. В другой город, в другую страну. На вахту... Хоть к черту на рога. Начни все с чистого листа.

— Уехать? Но я не знаю, как жить без него, — страх сковал меня. — Да и денег у меня нет.

— Деньги я тебе дам. За такое шикарное платье грех не доплатить лишнего. Работу ты найдешь — швея-мастерица. А жить без него — это и есть настоящая жизнь. Поверь мне, я знаю, что говорю. Я сама прошла через это, — в глазах Ольги я увидела отблеск пережитой боли.

Она рассказала мне свою историю: про мужа-алкоголика, про унижения, про страх, про побег. Про то, как она начала все заново, как стала счастливой.

Я слушала ее и понимала, что она права. Я должна уйти. Должна вырваться из этого кошмара.

— Хорошо, — сказала я, возвращая замерзшей рукой пакет с подтаявшими овощами. — Я уйду. Но куда...

— Поезжай к своим родным. К маме, к бабушке. В свой поселок. Там ты сможешь прийти в себя, отдохнуть. А потом... потом придумаешь что-нибудь. Только помни, абьюзеры не любят, когда их недоломанные игрушки сбегают. Он придет за тобой и будет умолять вернуться. Пообещает, что исправится и никогда больше тебя не обидит. Не верь! Ты будешь ему нужна только для того, чтобы окончательно тебя сломать, уничтожить. Закрыть его садистский гештальт. Не позволяй этого.

— Не позволю, — кивнула я и обняла Ольгу. — Спасибо вам.

Она улыбнулась.

— Не благодари. Просто будь счастлива. Ты этого заслуживаешь.

Ольга дала мне деньги за платье и еще немного сверх. Я взяла их с благодарностью.

— Сейчас же иди домой и собирай вещи. Не жди, пока он вернется. Он может передумать, уговорить тебя остаться. А тебе нужно бежать.

Я кивнула, обулась и вышла из квартиры. В голове был хаос, но в сердце зародилась надежда.

Проходя через второй этаж, я прислушалась: за дверь любовницы было тихо.

Нужно быстро ехать домой, собрать вещи и убежать, ведь если Эдик застанет меня за сборами вещей, то...

Дорогие друзья. Представляю вам мой новый роман! Тут вы найдете: мужа-абьюзера и его измену со смазливой и наглой девахой, эмоции от злости и печали до веселья от будущих приключений Евы и ржачных деревенских персонажей. А еще красавчика Ярика и козла Яшку... Но об этом позже. Вас ждет много юмора и драматических ситуаций, что затронут самые глубинные чувства. Читайте и наслаждайтесь!

Буду рада вашим звездочкам и комментам. Добавляйте книгу в библиотеку.

***Подписывайтесь на мою страничку, чтобы не пропускать полезные уведомления:
<https://litnet.com/shrt/UhKw>***

Желаю вам хорошего дня, с уважением ваша Лава Сан)!

Визуалы героев

Ева, милая девушка, которую муж-абьюзер за 4 года превратил в безвольную, слабохарактерную тряпку. Но не безвозвратно... На этом снимке она уже привела себя в порядок и больше не похожа на «бледную моль».

Эдуард... Гнида Эдичка, которому надо оторвать яйца и зашить поганый рот суровой ниткой, чтобы больше женщин не гнобил!

Глава 4. Побег с Марусей

Домой я шла как в тумане. Ключи дрожали в руках, и я никак не могла попасть в замочную скважину. Наконец, дверь открылась. В квартире было тихо. Значит, Эдик не рванул за мной следом, а остался развлекаться в объятиях вульгарной Милки.

Я скинула обувь, прошла в гостиную и огляделась. Впервые она показалась мне особенно унылой и чужой. Словно я здесь никогда и не жила. Или я уже подсознательно попрощалась с квартирой, пока тряслась в автобусе до своей остановки.

Внутри меня все сжалось от страха. Что, если Эдик вернется раньше, чем я успею собрать вещи? Что он будет делать? Угрожать? Бить?

Бросившись в спальню, я достала из шкафа две большие капроновые сумки. В них поместится все, что мне нужно. Главное — упаковать свою швейную машинку и всю фурнитуру к ней. Жаль, что мой портновский манекен слишком громоздкий. С занятыми руками я его не утащу... А ведь он дорогой, я его с рук за пятнадцать тысяч купила! Я даже имя дала — Маруся.

Я открыла шкаф и начала лихорадочно собирать вещи. Бросала в чемодан все подряд: платья, юбки, кофты... Не знала, что мне понадобится, а что нет. Просто хотела уйти как можно быстрее.

В голове мелькали обрывки воспоминаний: как мы познакомились с Эдиком, как он красиво ухаживал, как клялся в вечной любви. Как я была счастлива. И как глупа.

Я вспомнила нашу свадьбу. Белое платье, фата, цветы, поздравления... Тогда я думала, что это начало сказки. А оказалось, это был билет в ад. И ведь даже слова такого «абыззер» не знала. Слышала краем уха, но не вникала. Хотя сама жила непосредственно с ним... Надо будет потом почитать про них, чтобы снова на эти мужские грабли не наступить.

Собирая вещи, я наткнулась на старую фотографию. На ней мы с Эдиком улыбаемся, обнимаемся. Я зависла и долго смотрела на этот снимок, пытаюсь понять, когда все пошло не так. Когда моя жизнь превратилась в кошмар. В какой момент на мои глаза опустились шоры зависимой жертвы, и я из веселой девушки превратилась в бледную тень себя?

Отшвырнув фотку в сторону, я прошипела:

— Дура! Глупая, никому не нужная деревенская дура.

Внезапно в замке повернулся ключ. Я вздрогнула и замерла, словно кролик перед удавом. Эдик!

Он вошел в квартиру, прошагал в спальню и удивленно посмотрел на меня.

— Ева, что это тут такое? Куда это ты собралась? — его голос был спокойным, но в глазах читалась злость.

Я молчала, не зная, что сказать.

— Я спросил, куда ты собралась? — он повысил голос. — Я приказал тебе ждать меня дома, а не манатки свои укладывать.

— Я... Я уйду от тебя, — собравшись с духом, прошептала я.

Эдик расхохотался.

— Уходишь? Ты? Далеко собралась, милая? Ты без меня сдохнешь под ближайшим забором, как бомжиха! Кому ты нужна? Ты же ничего из себя не представляешь. И денег я тебе не дам.

Я молчала, опустив голову. Его слова жестоко ранили меня, но я старалась не показывать этого. Держалась, чтобы снова не разреветься. Ольга сказала, что мои слезы его радуют...

— А о разводе даже не думай, — продолжил глумиться Эдик. — Я тебе его не дам. Сама потом ко мне на коленях приползешь. Будешь просить прощения, умолять, чтобы я тебя

простил. А я подумаю, пускать тебя обратно или нет, — он подошел ко мне вплотную и схватил за подбородок. — Поняла?

Я вырвалась из его хватки.

— Я не вернусь. Никогда, — с ноткой самоуверенности проямлила я.

Эдик снова расхохотался, но теперь в его смехе послышалась злость: жертва смеет перечить. Непорядок!

— Ну-ну, посмотрим. Ты еще вспомнишь мои слова. И учти, потом я не буду таким добрым, как сейчас... Подумай. Если останешься и будешь хорошо себя вести, то все наладится, а если уйдешь... Тебе придется долго вымаливать и отрабатывать мое прощение.

— У тебя есть другая, — тихо произнесла я, — пускай она на тебя молится.

Я взяла тяжеленные баулы и направилась к двери.

— Стой! — крикнул Эдик.

Я остановилась и обернулась. Неужели начнет просить прощения?!

— Пугало своехвати, чтобы оно мне глаза не мозолило, — кивнул муж на манекен.

Я вытянула из сумки пояс от халата, вернулась в гостиную и обвязала Марусю за талию, сделала петлю на другом конце и накинула себе на плечо. Ножка будет волочиться по земле, но это мелочи жизни. Дотащу.

Эдик смотрел на мои манипуляции с ехидной ухмылкой, а когда я обулась и распахнула дверь, то сказал:

— Ну и вали! Скатертью дорога! Только потом не плачь и не жалуйся, что я тебя не предупреждал, — он злобно посмотрел на меня, — ключи не бери. Без моего разрешения ты сюда не вернешься.

Я вышла из квартиры, хлопнув дверью. В глазах стояли слезы, но я старалась не плакать. Я должна быть сильной. Я должна выстоять.

А пока что нужно добраться до автовокзала.

Глава 5. Знакомое лицо

Ехать в автобусе с таким багажом — не вариант. Хорошо, что Ольга мне заплатила больше положенного, а Эдик забыл забрать у меня деньги. Возьму такси до автовокзала. А там два часа на старом пазике, и я дома. Заранее позвоню маме, чтобы встретила меня на автостанции.

Я вызвала такси и принялась ждать. Когда приехал водитель, то удивленно посмотрел на Марусю.

— Девушка, это ни в салон, ни в багажник не влезет, — почесал он затылок, — а у нее нога отстегивается?

— Точно, — я хлопнула себя по лбу ладонью, — она же выкручивается.

Вскоре я упаковала сложенную ногу манекена в один из баулов, а черный корпус усадила рядом с собой на заднее сиденье.

Все же хорошо, что Эдик заставил меня Марусю забрать с собой. Это поможет мне в дальнейшей работе. Снова он прав, а я — дура, которая хотела бросить свой рабочий инструмент. Только коробку со швейной машинкой и ящик с кучей портновских придамбасов на дно сумки первым делом уложила...

Так! Стоп!

Хватит снова восхвалять этого гада, а себя унижать! Как там говорила Ольга: «Он тебе внушил, что ты глупая и никчемная. Просто критиковал все твои действия, чтобы ты поверила в свою безмозглость и зависимость от его советов».

Надо снова учиться мыслить нормально и самостоятельно. А Марусю я чуть не оставила от растерянности и огорчения. У меня горе, между прочим!

Видимо, все мысли читались на моем лице. Водитель поглядывал на меня в зеркало заднего вида, но с вопросами не приставал. Хотя ему явно было интересно, чего это зареванная дамочка на себя манекен повесила...

Не его дело. Лишь бы билеты в кассе до моего Ольховска были.

Пока мы ехали, я смотрела в окно на весенние улицы города, на первые маленькие листочки, что пробивались на голых березовых ветках, и робкие головки одуванчиков, которые выглядывали среди ранних сорняков на газонах.

Совсем скоро я буду в родном доме. Мама с бабушкой уже вырастили рассаду и на Майские праздники будут пересаживать ее в парник и теплицу. Я возвращаюсь к самому началу посадочных работ, а значит, сидеть без дела времени совсем не будет. Еще бы работа в поселке по специальности нашлась... Надо будет поспрашивать... В крайнем случае пойду работать на ферму, как и половина населения Ольховска.

Правильно, лучше я буду думать о новой работе и сельскохозяйственных буднях, чем о муже-подлеце. Так будет легче пережить все, что со мной сегодня приключилось.

Такси остановилось у привокзальной площади. Я вылезла из машины, оглядываясь по сторонам. Вокзал гудел, как растревоженный улей. Люди сновали туда-сюда с чемоданами, сумками и баулами. Крики носильщиков, объявления диспетчеров, шум прибывающих и отъезжающих автобусов — все смешалось в единую какофонию.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, я тащила за собой свои объемные сумки и манекен. Маруся болталась у меня за спиной, привлекая к себе всеобщее внимание. А что поделать, если руки у меня всего две?

У кассы выстроилась длинная очередь. Я прибыла в самый обеденный час пик. Люди переминались с ноги на ногу, нервно поглядывая на часы, ворчали и неспешно продвигались к заветному окошку, за которым сидела мордастая тетка с отрешенным видом. Я заняла место в хвосте и принялась ждать. Марусю я переместила вперед себя и обнимала ее руками, бережно

прижимая к груди. Некоторые пассажиры начали меня втихушку фотать. После каждого шага приходилось наклоняться и передвигать сумки. Чувствую, спина мне сегодняшний аттракцион с тяжестями не простит...

Кажется, с такой скоростью на ближайший автобус я не успею. Придется куковать тут до семи вечера, когда пойдет следующий, он же последний рейс... Столько времени потеряю.

Минуты тянулись мучительно долго. Очередь двигалась черепашьям шагом. Я чувствовала, как усталость подступает к ногам. Спина ныла от таскания по лестнице дома тяжелых баулов, а руки затекли от веса Маруси. Я даже жалела, что не взяла такси прямо до Ольховска. Но тогда бы точно все деньги закончились. А висеть на шее мамы и бабушки не хотелось.

Вдруг сквозь гам вокзала, я отчетливо услышала громкий, командный голос:

— Кому ехать до Ольховска? Есть одно место!

Обернувшись, я даже не поверила своим глазам. Набрав воздуха, я покрепче прижала одной рукой к себе Марусю, а второй замахала в воздухе:

— Дядя Олег, меня возьмите!

Глава 6. Ну и упырь!

Оба моих баула и Маруся спокойно поместились во вместительном багажнике черного джипа дяди Олега. Мне он не дядя, но все, кто был младше тридцати в нашем Ольховске, звали его именно так.

Когда я забралась на пассажирское сиденье, а он занял место за рулем, то спросила:

— А почему только одного взяли? У вас все заднее сидение свободно.

— А зачем мне в машине общага, — усмехнулся мужчина в густые усы и короткую, ухоженную рыжую бороду, — да и не было больше никого. Так-то ясно дело, своих бы прихватил. А ты чего с подружкой да такими сумками большими? Неужто на все лето к матери с бабкой от мужа деру дала? Как бы не загулял в одиночестве.

— Он уже, дядя Олег, — шмыгнула я носом и уставилась на свои руки, сложенные на коленях, — я от него насовсем ушла... Домой возвращаюсь.

— Ого, — он аж присвистнул, — ехать нам долго. Давай-ка все по порядку выкладывай...

Дядя Олег являлся Ольховской знаменитостью. Он был ровесником моей мамы и знал меня с детства. Дружил когда-то с моим папой. Окончив школу, дядя Олег уехал учиться на зоотехника, а потом вернулся в поселок и начал потихоньку развивать сельское хозяйство своей семьи. У них тогда было около десяти коров, и молоко они сдавали в город... Потом были кредиты на породистых буренок, строительство хлевов и их техническое оснащение. Многое за это время случилось. И беды, и радости. Но теперь дядя Олег Степнов был крупным фермером нашего района. В его стаде ходило больше двухсот дойных коров, почти столько же телят, половина из которых тоже станет коровками. А бычков откормят и на мясо пустят.

Половина населения Ольховска трудилось на ферме Степнова и вовремя получало зарплату. А еще дядя Олег, благодаря дисциплине, отучил многих пить горькую на работе.

Как и во всех провинциях, в нашем поселке процветало пьянство. Но фермер, когда нанимал людей на работу, то сразу предупреждал:

— Кто явится на работу с пьяной харей или с бодуна, не протрезвев, сразу уволью, к херам собачьим.

Многие не поверили... и на первой же неделе половина мужиков и несколько женщин были отправлены по домам без оплаты, а на ферме появились бюджетные иностранцы. Наши поселковые тогда забежали, стали проситься обратно, клялись, что за ум возьмутся.

Дядя Олег их взял, но еще несколько лет воевал с пьяными на работе: бывало и морды бил, и с кнутом пастуха за трактористом по полю гонялся, а двоих любителей самогона закрыл на три дня в пустом погребе и сказал:

— Подумайте о своем поведении.

Сначала его ненавидели, грозились на вилы поднять, а потом на защиту фермера встали женщины, чьи мужья стали меньше бухать. Только по выходным, или по рюмочке за ужином.

Теперь работа на ферме шла отлажено и надежно. Мама тоже там трудилась: оператором доильного аппарата, или по-простому дояркой. А в город дядя Олег приезжал, чтобы уладить какие-то юридические дела.

Пока мы ехали, я как на духу рассказала, что со мной произошло. Тот слушал, не перебивал и не лез с советами. Словно у психолога выговорилась. Только когда я закончила свою повесть и замолчала, он произнес:

— Жаль, что твоего бати нет в живых, он бы этому зятю уже давно уши оборвал. И как ты не сообразила, что за такого гада замуж выходишь?

— Молодая была, — пожалала я плечами, — наивная, влюбленная. А он очень хорошо притворялся добрым.

— Ну и упырь, — покачал головой дядя Олег.

Я хихикнула.

— Ты чего? — насторожился фермер.

— Вы второй человек за день, кто его упырем называет... Ольга про него так же сказала.

— Значит, точно упырь, — утвердительно кивнул дядя Олег, — такому бы осиновый кол в сердце и закопать поглубже.

Сам фермер был давно и прочно женат. Дети его уже выросли, двое старших сыновей недавно женились, а младшая дочка ходила на выданье. Точнее, училась в городе на ветеринара. Все Степновы трудились на благо семейного бизнеса. Родня и верность у них были на первом месте... Поведение упыря-Эдика было ниже понимания этих порядочных людей.

Спустя время дядя Олег спросил:

— Евка, ты мать-то предупредила, что возвращаешься? Да и бабу? А то увидят тебя, за сердца похватаются... Ты сколько дома не была?

— Почти год... С прошлого августа, — вздохнула я, — но мы по видеосвязи часто общаемся. Я сейчас им позвоню.

— Только с ходу не сообщай, что от мужа ушла, — посоветовал фермер, — начни изда-лека. Мол, в гости муж отпустил. Да добавь, что со мной едешь, а то они на станцию встречать потопают.

Я так и сделала. Мама с бабулей были дома и, услышав о моем неожиданном визите, собрались заводить тесто на пироги и пообещали в воскресенье жарко натопить баню. И дубовый веник запарить, чтобы от меня вся городская грязь отлетела.

У меня от их слов даже настроение улучшилось.

— Пока мы едем, я тебе деревенские новости расскажу, чтобы ты в курс дела вошла. А то, как в чисто поле из города выскочила, — дядя Олег откашлялся и начал, поглядывая на дорогу: — у Проньки-тракториста, помнишь такого? Жена второго ждет. Он ее чуть не потерял, когда она в бане угорела... Там печка старая, угар в парилку пошел. Говорит, с молитвами доктора ждали. Хорошо, что быстро приехал. Теперь как шелковый ходит, надышаться на нее не может. Зато теща, старая ведьма, всю душу ему вымотала: «Не уберег, зараза! Чуть дочки меня не лишил!» А он, бедный, как пес виноватый смотрит. Сколько раз ему жена говорила, чтобы он печника позвал. Ну ничего, скоро все наладится. У них, кстати, пацан родится. А у Ленки-бухгалтерши муж запил. Знаешь, Толик, который в лесхозе работает? Так каждый вечер Ленка к «Ерофею» в кабак ходит, вытаскивает его оттуда за шкуру. Драки, скандалы... Позорище! Она уже и к бабке Аксинье ходила, чтобы та мужика от пьянки отшептала. Говорят, помогло ненадолго. А у Катьки-поварихи, помнишь, которая в школьной столовке работает? Так вот, у нее корова отелилась двойней! Представляешь? Обе телочки как на подбор. Теперь Катька их чуть ли не целует. Говорит, примета хорошая. Значит, год будет урожайный. Ну и самая горячая сплетня: начальник лесхоза наш, Алексей Петрович, вроде как с секретаршей Нюркой закрутил... Жена его, Галина Ивановна, тоже ведь не дура. Говорят, закатила ему скандал! Сковородкой чугуновой по двору гоняла. Так его чуть инфаркт не хватил. Теперь ходит, как мышка, тише воды, ниже травы.

Я слушала дядю Олега и смеялась. Как же я соскучилась по этим деревенским новостям! В городе такого не услышишь. Там у людей свои проблемы, свой мир. Всем друг на друга наплевать. А здесь все как на ладони. Все знают друг про друга. И хорошее, и плохое.

— Ох, дядя Олег, спасибо вам! Подняли настроение, — поблагодарила я. — А то я совсем скисла.

— Да брось ты, Евка! Надо жить дальше. Ты еще молодая, красивая. У тебя все впереди. А если что, мы тебе поможем. И жениха нового подберем, нормального.

Машина плавно катилась по дороге. За окном мелькали поля, леса, деревушки. Я смотрела на эту красоту и чувствовала, как в сердце зарождается надежда. Возможно, все действительно не так плохо, как кажется. Может быть здесь, в родном Ольховске, я начну новую жизнь.

Олег Степнов. Преуспевающий фермер из Ольховска, который сыграет не последнюю роль в судьбе Евы.

Глава 7. Родные руки

Когда мы въехали в поселок и покатали по улицам, у меня сердце быстрее заколотилось. Все такое вокруг было знакомое и родное, что в горле встал ком от избытка чувств...

Добротные частные дома смотрели на дорогу окнами с занавесками, на подоконниках зеленели герани, возле дворов разгуливали куры и искали червячков в прогревающейся после зимы земле. Березы, черемухи и клены готовились выпустить молодые листочки и радовали глаз набухшими почками. На лавочках сидели старички и грелись апрельским солнцем.

Дядя Олег кивал головой в знак приветствия встречным жителям. А я вглядывалась в лица, пытаюсь узнать кого-то из них. Вот у магазина тетя Зина с вечной сигаретой в зубах — кажется, совсем не изменилась, хотя я ее года три не видела. А вот и дом семьи Синицыных, обросший новым забором из профнастила — когда я уезжала год назад, у них еще был старенький штaketник. Время здесь текло своим чередом, но все же не стояло на месте.

Запах! Какой же здесь умопомрачительный запах! Смесь прогревающейся весенним солнцем земли и дыма из печных труб. В городе я совсем отвыкла от таких естественных ароматов. Там лишь смог, бензин и искусственные отдушки. Казалось, этот воздух сам по себе лечит, исцеляет израненную душу.

Во все это гармонично вписывались нотки свежего и перегнивающего навоза, но куда же в деревне без него...

И вот, наконец, наш дом. В палисаднике еще пустые клумбы, сирень машет голыми ветками, а на лавочке сидит моя бабулечка Зоя и вглядывается в окно подъезжающего джипа.

С комом в горле и дрожащими коленями я вышла из машины, готовая бежать и обнимать самых дорогих мне людей.

Бабушка поднялась навстречу и протянула руки:

— Евушка, солнышко, вот радость-то!

Мы обнялись, а дядя Олег достал из багажника мои баулы и молча потащил их в дом, открыв ногой калитку. Обратно он вышел в сопровождении моей мамы.

— Встречай, Иринка, дочку... Я сейчас ее подружку еще принесу.

Мама кинулась ко мне обниматься и с ходу закидала меня вопросами:

— Ева, что же ты не сказала, что с подругой? А где ты Олега встретила? А когда Эдик к нам приедет? Через сколько дней?

Я молча обнимала маму, чувствуя, как на глаза наворачиваются слезы. Пришло время рассказать родным правду, но как же это тяжело... Исповедаться Ольге и дяде Олегу было проще, а вот маме... Хоть Эдик и попрекал меня расходами на свадьбу, только забыл вспомнить, что практически все овощи, соленья-маринады и мясо для свадебного стола приехали из Ольховска. У нас огород большой, много заготовок делаем. Мама с бабушкой тогда радовались, что год вышел урожайным и угощение для гостей будет богатым. Хотели мне счастливой жизни с городским мужем. А я вернулась в поселок в компании безголового манекена.

— Ма, ба, идемте в дом, — смущенно сказала я, — я там вам все расскажу. Дядя Олег, — я обернулась к фермеру, который уже занес в избу Марусю и вернулся к калитке, — большое вам спасибо, что до дома довели и сумки занесли. Не знаю, как вас и благодарить.

Мама перестала тискать меня в родительских объятиях и сказала:

— Я знаю. Олег, не уезжай, — она убежала в дом, но тут же вернулась с литровой банкой, — вот, варенье из ревеня с малиной. Вкуснотища! Твоя Люда такое не варит.

— Спасибо, Ира, — расплылся в улыбке фермер, — это исключительно твой шедевр. Жена пыталась делать, но вкус другой получался... Ладно, поеду я. А ты, Евка, сходи в дом быта, может, там работа есть. Или ко мне приходи, к матери в подмастерья пристрою.

Он сел в машину и поехал к себе домой, а мама и бабушка недоуменно уставились на меня:

— Евочка, — настороженно начала бабуля, — зачем тебе тут работу искать? Ты же на фабрике работаешь.

Я села на лавочку у ворот, так и не дойдя до дома, губы предательски задрожали, и я, начиная реветь, простонала:

— Мне Эдик изменяет... Он меня ударил... Он меня растоптал...

Слезы полились из глаз, а мама обняла меня за плечи и повела во двор, чтобы я не ревела на виду у всей улицы. Бабушка пошла следом, заперевав за собой калитку. Наткнувшись в сенях на силуэт Маруси, что стоял на столике, она воскликнула:

— Фу ты, мать твою господи! — и перекрестилась.

Приглядевшись и облегченно выдохнув, она скомандовала:

— Ирка, води внучку на кухню, за блинами с вареньем реветь несподручно. А ты, детонька, рассказывай все по порядку.

Пока я успокаивалась и дрожащим голосом пересказывала события сегодняшнего дня, бабуля налила чай и собрала угощение на стол. Там появилась и миска с горячими пирожками. А я все рассказывала: про любовницу, про пощечину, про серую мышь и бледную моль, про то, как Ольга открыла мне глаза на термин «абыюзер» и заставила принять правильное решение об отъезде... Я говорила, говорила, и словно со словами из меня выходила вся боль и отчаяние. Не зря говорят, что дома даже стены помогают.

Когда я закончила свою печальную повесть, мама сокрушенно покачала головой и произнесла:

— А я-то все думала, чего ты себя так запустила: ни причесок, ни нарядов, даже в Новый год реснички не подкрасила. Была такой яркой девушкой, а стала словно тень... Теперь ясно, что это зятек постарался. Упырь поганый! Что же ты раньше все не рассказала?

Продолжая судорожно вздыхать после рыданий, я неожиданно хихикнула:

— Третий.

— Что третий? — бабушка настороженно пригляделась ко мне. — Евочка, может тебе валерьяночки накапать? Ты, кажись, с горя умом помутилась.

— Нет, ба, — снова хихикнула я, — просто мама третий человек за сегодня, кто Эдика упырем обозвал.

— Сразу трое ошибаться не могут, — важно заключила бабуля и хитро прищурилась, — а давай, завтра к Аксинье ходим? Пускай она на твоего упыря нестоячку наведет! И станет он со своей девкой в дурачка подкидного по ночам играть, поскольку больше сделать ничего больше сможет.

Глава 8. Милый дом и женихи

После долгой беседы с родными, поедания пирожков и оладий с вареньем, я настолько пришла в себя, что даже удивилась:

— Словно не чай, а целебное зелье выпила. Чудеса.

— Не хорохорься, — осадила меня бабушка, — вечером вторая волна отчаяния накроет. Будешь реветь в подушку до рассвета.

Я надула губы, как обиженный ребенок:

— Не хочу я больше из-за него реветь. За день и так все глаза выплакала. Не заслуживает Эдька такого внимания. Может, мне перед сном снотворного выпить или пустырника.

— И будешь ходить завтра как сонная тетеря, — фыркнула мама, — хотя пустырничка я тебе все же заварю. Ты лучше в своем интернете статьи про этих поганых арбузеров найди и поизучай врага. Проведи анализ ситуации и выработай стратегию по отвыканию от его зависимостей. А лучше распиши все по пунктам на листочке, тогда получится уже не просто болтовня и рассуждения, а настоящий план по восстановлению личности.

Я тарасилась на маму и хлопала глазами: она такую длинную и умную речь толкнула, что я прямо ошалела:

— Ма, откуда такие познания? Я в шоке.

Родительница важно подбоченилась и сообщила:

— Я уже три месяца одну блогершу смотрю. Она много интересного про семейные отношения рассказывает.

Бабуля смерила ее насмешливым взглядом и выдала:

— Да у Ирки ухажер появился, вот она и начала вспоминать, как грамотно с мужиками общаться.

— Ну, ма! — воскликнула мама, глядя на бабушку. — Ева только от мужа ушла, а ты ей про моего Шурика рассказываешь!

— Так, ма! — теперь я уже обернулась к своей маме. — У тебя жених появился?! Вот это да! Давай, рассказывай!

Мама уселась на табурет и даже смущенно покраснела:

— Понимаешь, Евочка, я после гибели твоего папы двадцать лет одна была... А тут к нам в феврале приехал доктор в фельдшерский пункт работать. Там новое помещение построили, и даже аппарат УЗИ теперь свой есть. Раньше только медсестра уколы делала и таблетки выдавала, а теперь Александр Михайлович приехал. Он терапевт, но и хирург немного. Недавно Витьке Трофимову руку зашивал, когда тот на стеклину упал. Теперь меньше скорую из города дергаем. Шурик всем помогает.

Я во все глаза смотрела на мать. Неужели спустя двадцать лет одиночества можно снова влюбиться? Что же это за мужчина такой, который смог затмить память о папе. Пришла моя очередь заваливать маму вопросами:

— А сколько ему лет? А как вы познакомились? Ты болела, что ли? Почему мне не сказала?

Мама заулыбалась. Ей явно было приятно, что я интересуюсь ее бойфрендом. Она теребила кухонное полотенце, которое держала в руках, и начала рассказывать:

— Шурику пятьдесят два года. Всего на год старше меня. Он вдовец. Детей у него двое, уже взрослые и семейные. Тоже врачи в городе. А я к нему попала, когда ногу подвернула. Шла из продуктового с сумкой и поскользнулась на льду. Так больно было, аж лодыжка вспухла. А тут знакомая мимо шла и помогла мне до фельдшерского пункта доковылять. А там он сидит. Важный такой, солидный, в белом халате... Совсем не похож на наших мужиков. Стянул с меня сапог, осмотрел, подхватил на руки и понес УЗИ делать. Смотреть связки на предмет

разрыва... Короче, вывих был. Он мне все перетянул эластичным бинтом и на своей машине до дома довез. А вечером проведать пришел... с бисквитным рулетом из магазина. Так и закрутилось, дочка, наша любовь.

Я хлопала глазами, все еще переваривая новую информацию. Даже забыла про собственное горе. А тут вспомнила про инфу о медиках:

— Мам, так в фельдшерские пункты обычно молодых отправляют работать. Или местных. Как он у нас оказался?

— Сам вызвался. Сказал, что устал жить в городе, хочет деревенской тишины. А у нас Ольховск процветает: школа, садик, три магазина, ферма Олегова и лесхоз... А молодого доктора и вторую медсестричку в помощь летом пришлют. Мало одного врача и медсестры на три тысячи человек. Так что наши девчата надеются, что новый доктор холостым приедет.

Я подошла к маме и обняла ее:

— Я очень рада, что у тебя все налаживается. Ты у меня еще молодая и красивая! А если он человек хороший, то вдвойне замечательно.

Бабушка посмотрела на нас и рассмеялась:

— Может, и мне какого дедульку присмотреть? Уж тридцать лет вдовая хожу.

— А присмотри, — с улыбкой кивнула я, — лично тебе свадебное платье сошью.

— Вот ты егоза, — совсем развеселилась бабуля, — давай помогу тебе вещи разобрать, да пойдем Марту доить. Ее теленочку Зорьке уже два месяца исполнилось. Не забыла еще, как корову за титьки дергать?

— Не забыла, — помотала я головой, — но для начала я вас с Марусей познакомлю... Она поможет мне строить карьеру деревенской модистки!

— Просто Мария Ольховского пошива, — вспомнила бабушка старый мексиканский сериал, — это та, что в сенях на столе стоит и меня напугала?

— Ага, — кивнула я, — сейчас принесу. Надо ей ногу приделать и поставить у меня в комнате.

Вскоре манекен стояла перед моими родными на единственной стальной ноге.

Бабушка с мамой посмотрели на нее, и бабуля заявила:

— Я знаю, что с ней нужно делать. На амбарном чердаке у нас старое барахло лежит, в которое мы огородное пугало рядим. Должны и платья из моей молодости быть. Разодедем твою Маруську невестой с фатой из старой занавески и обженим с нашим чучелом. Еще одна пара в нашей семье появится. Только ей голову надо приделать, чтобы целоваться удобно было.

Вот за что я люблю свою бабушку, так это за юмор. Любую ерунду в шутку вывернет. Но в этот раз я вздохнула:

— Зато моя пара развалилась... Ладно, пойду разбирать баулы.

Глава 9. Корова и сплетни

Мы с бабушкой пошли в сарай, а мама приступила к готовке ужина. Я уже переоделась в старый спортивный костюм, что хранился в шкафу еще со времен окончания школы, и стала совсем похожа на деревенскую женщину. На ногах калоши, на голове косынка, в руке ведро-подойник с теплой водой и коробочка с мылом. Перед дойкой вымя корове нужно хорошо вымыть! Иначе молоко будет грязным, а то и навозом вонять. И скиснет быстро. В кармане лежало средство для обработки вымени после дойки...

Хоть я и занималась этим последний раз прошлым летом, руки сами знали, что и как делать. С детства к хозяйству приучены.

Бабушка сейчас была нужна, чтобы успокоить корову Марту, если та начнет нервничать. Она у нас всего пять лет, а Зорька — ее второй теленок. Все эти годы я жила в городе, редко приезжала, и животное меня не знала. То, что ее за сиськи будет дергать незнакомая баба, буренку может взволновать, и она двинет мне копытом... Баба Зоя просто будет рядом, а я стану с коровой разговаривать, чтобы она ко мне побыстрее привыкла. Всякие ласковые слова ей наговорю.

— Красавица моя. Кормилица... А глазки у тебя такие умные, а реснички длинные...

Корова словно понимала мою речь и стояла смирно. Даже не пыталась отхлестать меня кисточкой хвоста по лицу.

— Все они понимают, — говорила бабушка и наглаживала морду Марте, — ты к ним с добром, и они к тебе ластятся.

Потом я понесла полное ведро парного молока домой: процеживать его в банки через марлю. А еще готовить пойло для маленькой Зорьки, которая знала — если ее мать люди за титьки тягают, то скоро ей еду принесут. Телочка мычала в своем загоне и пыталась просунуть любопытную морду между жердями ограждения.

Бабушка отправилась закрывать на ночь куриц в курятнике, а я, придя в избу, увидела гостей: две соседки с нашей улицы сидели на кухне.

Увидев меня, они повскакивали с табуреток:

— Здравствуй, Ева! Вот молодец, родню не забываешь, приезжаешь... И сразу помогать по хозяйству бросилась... Не испортил тебя город... А надолго к нам?

Я поставила ведро и вопросительно посмотрела на маму. Кажется, наши любопытные сплетницы не в курсе, что я от мужа ушла. Мама это скрывает. Чтобы не завратиться, я поздоровалась и ответила вопросом на вопрос в еврейской манере:

— А вам мама разве не рассказала?

Те переглянулись и пожали плечами:

— Ира сказала, что на посевную... И до конца майских праздников. А муж, когда придет?

Все то им надо знать... Уже к утру вся деревня будет в курсе моей трагедии. Буду партизаном.

— Он на работе сильно занят, — с честными глазами приврала я, — а я отпуск взяла, чтобы тут помочь. Утомил меня городской шум.

Соседские кумушки переглянулись, и одна сказала:

— Заметно... Что-то ты блеклая стала. Прямо бледня бледней...

— Это все от городских выхлопных газов, — с сознанием дела заявила вторая, — на нашей экологии быстро отойдешь. Овощи свои, без всякой химии, молочко парное. Снова станешь девкой — кровь с молоком. Мужик твой обрадуется.

— Очень, — кивнула я и принялась разливать молоко через марлю в подготовленные мамой банки, — мам, тебе с ужином помочь?

— Нет, у меня почти готово. Сейчас Зорьку напоим и сами за стол сядем.

Соседки, поняв, что больше подробностей от меня не услышат, засобирались восвояси:

— Ладно, пойдем мы. Самим ужинать пора... Доброго вечера.

— И вам поздорову, — хором отозвались мы с мамой.

Гости выскользнули за дверь, а я вздохнула:

— Я так понимаю, что к вечерним новостям весь поселок будет в курсе моего приезда?

— Да, — усмехнулась мама, перемешала картошку в сковородке и посыпала ее сушеным укропом из железной банки из-под чая для аромата, — но ты не переживай, эти кумушки еще от себя подробностей присочинят.

Тут в дом вошла бабушка и прошла на кухню. Она услышала конец нашего разговора и добавила:

— К утру ты уже будешь на сносях, но беременной от любовника, а не от мужа... Потому в деревню и сбежала. Возможно, тебя муж побил, и у тебя фингалы под глазами... Но может, и не станут сочинять... Кто их разберет. Луна сейчас не полная, авось обойдется.

Я рассмеялась:

— Как же я скучала по нашей Ольховке... Как же тут все просто и понятно. Мам, — обернулась я к родительнице, — а когда ты меня с Александром Михайловичем познакомишь?

— Завтра. Сегодня тебе надо от всех потрясений отойти, выдохнуть. Столько всего за один навалилось, что хватит с тебя. Мы тут никуда не торопимся.

— И то верно, — согласилась с ней бабушка, — а завтра уже за дела примемся. Кстати, а что с твоей работой в городе?

Я присела на табурет, продолжая держать на коленях пустое ведро из-под молока:

— Уволюсь. В понедельник позвоню в отдел кадров, скажу, что заболела, чтобы две недели не отрабатывать... Мам, твой жених сможет мне справку сделать?

— Завтра спросим, — кивнула она. — А трудовую и документы забрать же нужно.

— Я сразу скажу, что после болезни не вернусь. А потом на автобусе в город съезжу и все заберу.

— А с разводом, как быть? — нахмурилась бабушка.

— А для развода нужно с мужем встретиться, — вздохнула я, — но он мне его не даст.

Глава 10. Перемен требуют наши сердца!

После ужина я выпила приготовленный мамой товар пустырника и отправилась к себе в комнату. Пока меня не сморил сон, я решила составить план действий на ближайшее время.

В столе нашелся старый блокнот и мой школьный пенал с ручками и карандашами. Даже линейка лежала на своем месте. Родные тут убирались, но ничего нужного не выкинули. Словно чувствовали, что я вернусь сюда не в гости, а жить. Как раньше.

Раскрыв чистую страничку, я поставила цифру «1» и задумалась: с чего бы начать новую жизнь.

Писать о том, что нужно работать по хозяйству нет смысла, это и козе понятно. Что нужно искать тут работу, тоже ясно... Я настолько привыкла, что Эдик указывал мне, что и когда делать, что я реально отвыкла мыслить самостоятельно и принимать решения.

Пожалуй, начну отталкиваться от его требований! Для начала — моя внешность: схожу в парикмахерскую и перекрашусь в блондинку! Муж говорил, что все крашенные блондинки — вульгарные шлюхи. Даже его Милка была брюнеткой. А мне блондинистый идет, я в восемнадцать лет почти год беленькой проходила.

Так, с первым пунктом разобрались. Дальше... Надо пересмотреть свой серый и закрытый гардероб. Перешить в привлекательное все, что поддается переделке. Благо в этом деле я мастерица.

А дальше что? Непонятно. Завести подруг, наладить старые школьные связи, начать ходить в клуб на дискотеку... Но в мои двадцать шесть — это уже дурной тон. И не по мнению Эдика, а по мнению всей Ольховки. У нас в клуб ходят молодые и холостые, а если женатые, то со своей парой. Есть еще бар «Ерофей», там можно посидеть с подругами, но в рамках сельского прилия, чтобы сплетни не пошли...

Кстати! Нужно купить себе косметику. В первую очередь тушь для ресниц и помаду. А еще тени для бровей и подводной карандаш. И пудру с румянами... Хотя румяна не нужны. Я быстро загорю.

Я начала заполнять строку за строкой и от списка плавно перешла к вещам в шкафу: стала доставать свои вещи и смотреть, что из этого можно перешить в модное, стильное и немного вызывающее. Чтобы Эдику точно не понравилось.

Но вскоре я начала зевать. Растительное успокоительно запустило свои сонные щупальца в мой мозг, призывая меня залезть под одеяло, обнять старого плюшевого медведя, с которым я выросла, и погрузиться в спасительное забвение.

Реветь в подушку я не захотела и быстро уснула.

Ночью мне приснился папа. Он сидел на лавке возле двора, грыз семечки из большого подсолнуха и говорил мне:

— С приездом, дочка. Ты уж меня не забывай, навещай.

— Я о тебе всегда помню, папочка, — ответила я. — А хочешь, я тебе на могилку черемуху принесу?

Я обвела рукой дерево с белыми и пышными гроздьями ароматных цветочков.

— Не надо, — засмеялся отец, — рано еще. Не цветет она.

Странно... Целое дерево цветов. Меня даже не смутило, что цветение черемухи совпало с созревaniem подсолнухов. Во сне все казалось логичным. Даже то, что я разговаривала с давно покойным отцом и не боялась.

Он поднялся с лавки и улыбнулся мне:

— Сама приходи, а вместо цветов семок мне принеси, а то скучно там.

Я раскрыла глаза и уставилась в крашенный потолок спальни, на котором красовалась небольшая люстра со стеклянными висюльками. Солнце уже показалось из-за горизонта и сквозь ситцевые занавески освещало комнату рассветными лучами.

— Я сегодня к тебе приду, папа, — шепотом пообещала я, — и семечек принесу.

Потом я дотянулась до телефона, нажала боковую кнопку и посмотрела время: начало седьмого. Так, утреннюю дойку я проспала. Но приготовлю завтрак для родных...

Я вылезла из постели, накинула халат поверх сорочки и поплелась на кухню. Там у нас стоял умывальник с водопроводной водой, правда, только холодной. Провели десять лет назад и септик выкопали... Почти городское удобство. До пристройки настоящего санузла с ванной дело так и не дошло. Баня и уличный туалет в углу огорода всех устраивал. Зато воду из колодца для готовки таскать больше не нужно. Сама в избу лезется.

Умывшись, я заглянула в комнату мамы и бабушки. Их постели были пусты и заправлены.

Дверь в избу тихонько стукнула, и я кинулась обратно. Вошла бабушка с ведром молока.

— А мама где? — не поняла я.

— На ферму ушла. У них теперь в половине шестого первая дойка. Коров на летнее время переводим. После майских праздников трава в полях нарастет, и начнем в стадо гонять. Это зимой попозже доим, а сейчас Иринка на заре на работу бежит.

— И так каждый день, — ужаснулась я.

— С двумя плавающими выходными. Совсем ты, внуча, забыла, как в деревне живут... Привыкай.

— Привыкну, — улыбнулась я, — тебе какой завтрак приготовить?

— Вкусный, — ответила бабуля, — а мать к девяти утра вернется, когда на ферме управится. Потом к пяти снова уйдет. Какие у тебя планы на сегодня?

— Хочу к папе сходить... Он мне снился. Семечек просил.

Бабушка выставила на стол чистые банки под молоко и указала в окно:

— В амбаре пластиковая фляга с сушеными семками стоит, в прошлом году подсолнухи хорошо взошли. Бери сколько нужно...

Глава 11. Могила и ведьма

Я сидела на лавке за маленьким столиком у могилы папы. Он смотрел на меня с керамической фотографии и слегка улыбался.

За двадцать лет его образ значительно стерся из памяти, но благодаря фотографиям, я не забыла родных черт лица. А еще помнила, как он со мной играл, катал на раме велосипеда и на машине, сажая себе на колени. Он был добрым.

Видимо, потому у меня и сложилось понимание, что муж и отец — это хороший человек. Даже в голову не пришло, что мой избранник окажется гадом и упырем. Хорошее слово «упырь», идеально подходит Эдику. Будет ему погоняло в честь нашего расставания. Прощальный подарок от меня.

Рядом с папой были похоронены и его родители. Рано умерли... В соседней оградке лежал дедушка, муж бабы Зои, который умер еще до моего рождения. Печальное место... Особенно сейчас, когда деревья еще голые и тянут к небу корявые ветки, словно иссохшие руки с больными суставами. И вороны вдалеке каркают.

Но солнце светит, и мне совсем нестрашно. Я чувствую, что покойные родственники не дадут тут меня в обиду. Да и кто, кроме деревенских, сюда придет? Все свои кругом: и живые, и мертвые.

Я в очередной раз пересказывала свои обиды молчаливым могилам и надгробиям. Правда, в этот раз уже не ревела. Все вчера переболело... Тем более что я в четвертый раз говорила одно и то же. Надоело рыдать по одному и тому же поводу.

Пока я тут сидела и болтала, на могилу папы прилетел воробушек и устался на меня глазами-бусинками.

— Принесла я тебе семечки, принесла, — успокоила я птаху, — перед уходом в блюдечко насыплю.

Воробей зачирикал и принялся чистить клювик.

Я еще немного посидела, потом достала пакетик, в который дома набрала три горсти семок. Вытряхнула сушеную травинку из блюдца, в которое мы клали угощение для покойных, и высыпала в него семечки.

— До свидания, папочка, — прошептала я и провела пальцами по надписи «Любимый муж и отец» на памятнике, — я теперь к тебе буду чаще приходить. Я вернулась.

Когда я закрыла калитку оградки и отошла на пару шагов, то оглянулась: воробей накинулся на семечки и начал их с упоением клевать... Я прекрасно понимала, что мой папа не вылезет из могилы, чтобы погрызть мое угощение. Осознавала, что семечки расклюют птички и растащат мышки, но хотелось думать, что в ком-то из них придет папина душа, чтобы насладиться вкусными зернышками.

Я шла к выходу с сельского кладбища, что находилось почти в километре от поселка, и смотрела по сторонам. Все могилы были чистыми и ухоженными. Ясное дело: недавно были Пасха и Родительский день. Все приходили прибраться у покойных после зимы, принести новые, яркие искусственные цветы.

Возле самых ворот, что запирались на ночь, я увидела женскую фигуру в черном платке... Она выходила из ограды большого захоронения.

Она тоже заметила меня и остановилась, поджидая, пока я подойду. А у меня аж мурашки между лопаток забегали, а потом удрали по позвоночнику в район копчика. Сельская ведьма!

Поравнявшись с ней, я вежливо наклонила голову и сказала:

— Доброго дня, баба Акси́нья.

— Здравствуй, девонька, — она склонила набок голову и пристально посмотрела мне в глаза своими темными глазами, — с возвращением.

Бабка Аксинья была лет на десять старше моей бабушки, но выглядела бодро. Совсем не так, как рисуют в книжках деревенских колдовок. Ни горба, ни бородавок... Голова седая, лицо в морщинах, но спина ровная, голову держит гордо, голос властный... Словно старая воительница из древних рассказов про викингов. Не хватало меча в руке и рогатого шлема. А когда она так смотрела, то казалось, читает душу как открытую книгу.

Вот и сейчас она цепко ухватила меня под руку и сказала:

— Проводи-ка меня до дому... Я тебе одну травку дам. Забудешь горе и обиды. Силу духа вернешь, станешь краше прежнего.

— Вы о чем? — наивно поинтересовалась я.

Мама с бабушкой про мой уход от мужа никому не говорили, а дядя Олег и подавно не стал бы трепаться. Разве что за ужином семье поведал мою историю, а те уже друзьям и знакомым по секрету. Но сплетничать со старой Аксиньей никто не рисковал...

— Об упыре твоём, — беспечно ответила ведунья, — твоя душа, что ржавое решето... Долго он из тебя жизнь пил, да допить не успел. Молодец, что домой воротилась. А мою травку неделю попьешь, снова себя молодой почувствуешь. Сиять захочешь, что твоя звездочка.

Больше она ничего не сказала, а я побоялась спрашивать. Аксинью у нас все побаивались. И уважали. Когда мы под руку шли по поселку, то встречные люди удивленно вскидывали брови, кланялись и громко здоровались со старухой.

Лишь когда мы дошли до ее ворот, она сказала:

— Жди тут. Сейчас тебе мешочек вынесу и расскажу, как заваривать. Там секрет есть особый!

Глава 12. Вырви глаз...

Когда я пришла домой, то мама накрывала стол к обеду. Увидев меня, она всполошилась: — Ева, ты где Аксиною-то встретила? Мне за последние пять минут семь человек позволили и сказали, что ты с ней под ручку по деревне разгуливаешь.

Я рассмеялась:

— Считай, что я первую подружку себе завела.

Но маме стало не смешно. Наоборот, ее лицо испуганно вытянулось, и она спросила шепотом:

— Ты с ней не поругалась?

— Ма, ну что за суеверия, — смутилась я, — мы на кладбище встретились. Я к папе ходила, а она своих навещала... Мы на выходе пересеклись, и она попросила ее до дома проводить. Старенькая же.

Тут в дом вошла бабушка и присоединилась к нашей беседе:

— А чего за кулек у тебя? — она ткнула пальцем в мешочек с травами, что дала колдунья.

— Бабка Аксиныя дала, — ответила я, — для поднятия моего духа... Вы знаете, ей кто-то уже успел про меня все рассказать.

— С чего ты взяла? — спросила мама.

— С того, что я ей ничего не сказала, а она на меня посмотрела, сказала, что Эдька из меня почти всю душу выпил и тоже обозвала его упырем. Теперь это его кличка. А травку она сама предложила... Я ничего не выпрашивала.

Бабуля начала оглядываться по сторонам, а потом принесла из сеней корзинку:

— Сейчас тебе десяток свежих яиц в пакет сложу да пяток вчерашних пирожков. Отнесешь Аксинье, за травку поблагодаришь. Нельзя от нее ничего задаром брать, добра не будет.

Она протянула мне наполненную корзинку, содержимое которой накрыла платком:

— Беги прямо сейчас, пока у Иринки щи доходят. Быстро обернешься.

Она чуть ли не силой вытолкала меня из избы. Я лишь успела накинуть безрукавку, в которой ходила на кладбище, да шнурки на кроссовках завязать. Вроде взрослые и цивилизованные люди, а так боятся старую женщину... Конечно, к Аксинье много народу ходило. Из города, из области, даже и других регионов люди приезжали... Но чтобы местные ее так боялись... Или это я в городе отвыкла от деревенских суеверий и стала понимать, что сила ведуньи в убедительном тоне, лекарственных травах и веры людей в высшие силы.

Еще когда я только получила кулек от колдуньи, то лишь отошла от ее двора, как сразу сунула любопытный нос в содержимое. Трава пахла мятой, липой, чем-то немного горьким, а еще виднелись сушеные ягоды шиповника и семечки подорожника... Успокоительно-витаминный сбор. Возможно, там еще лист малины и мать-и-мачехи имелся. А секретные слова, которые я должна сказать, когда буду заливать смесь кипятком, это так — аутотренинг для впечатлительных.

Но не мне учить старших, как жить... Я позвонила в звонок у калитки Аксины, и когда она вышла, то протянула ей корзинку:

— Снова здравствуйте, бабушка Аксиныя, — вежливо пролепетала я, — мама с бабушкой вам гостинцы передали, за то, что вы обо мне позаботились. Велели пожелать вам здоровья.

— Желай, — величественно кивнула ведунья.

Я растерялась, а потом сообразила поклониться и сказать:

— Доброго вам здоровья и хорошего дня!

— Спасибо, — кивнула та и взяла из моих рук корзинку, — жди тут.

Я снова осталась стоять за воротами, на радость сельским зевакам, а вскоре Аксиныя вышла и протянула мне пустую корзинку, с бабулиным платком на дне.

— Все, ступай к себе, девка. Не мозоль мне боле глаза. Занята я.

Калитка захлопнулась, грохнул железный засов, и я потопала домой.

Что ж, про старую Аксиныю я с детства знала, но вот так пересекаться не приходилось. Хотя почти всех детей Ольховска рано или поздно вели сюда, чтобы снять порчу или сглаз. Особенно после визита приезжих гостей издалека, которые искренне восхищались разумными детками, щекастыми младенцами, а то и хорошими удоями коров, которые резко снижались после таких гостей. Наша колдунья всем помогала...

Дома меня уже ждал накрытый стол: хлеб, сало, зубчики чеснока для профилактики простуды... Оставалось только щи из кастрюли разлить. Когда мы сели есть, мама сказала:

— К вечеру баню натопим, и Шурик придет. Ты ему про Аксиныю особо не рассказывай. Он сторонник традиционной медицины.

— Не сомневаюсь, — улыбнулась я, — вряд ли дипломы врачей дают травникам и целителям, шепчущим заклинания... Не скажу. Но думаю, что местные ему обязательно уже обо всем доложили. Ведь дочка его невесты с ведьмой по кладбищу разгуливала средь бела дня.

— Хорошо, не ночью, — буркнула бабушка, — а то и тебя в ведьмины преемницы запишут, нам гостинцы откупные понесут. Ты чего после обеда делать будешь? — перевела она тему разговора.

— В магазин схожу, который возле правления, — ответила я, — хочу кое-какую косметику посмотреть и краску для волос купить.

— В сине-зеленый с красными полосочками покресишься? — сразу заинтересовалась бабуля. — Сейчас модно. Я по телевизору видела. Челка одним цветом, макушка другим, концы третьим. Как бразильские попугаи.

Я рассмеялась:

— Нет, ба. Прическу в стиле «Вырви глаз» я не хочу. Так только школьники ходят, которые от мультиков аниме фанатеют. Я хочу снова в блондинку перекраситься. Мне хорошо было.

— И правильно, — кивнула мама. — Только ты со своей краской завтра в Дом быта иди. Там Любаша парикмахершей трудится, она и пострижет, и покрасит. Молодец девка. А косметику хорошую у Васи закажи.

— Какого Васи? — не поняла я.

— У Василины, — пояснила бабушка, — она тоже в Доме быта работает. Фотокарточки делает и документы всякие на принтере печатает. У ней каталоги разные есть. Наши бабоньки берут и довольны. Не прогадаешь.

— Решено, — кивнула я, — завтра иду в Дом быта. Заодно и про работу узнаю.

Глава 13. Смотрины Шурика

Позже я сбегала в магазин и купила коробку золотистого блонда для своего преображения. Потом мы затопили баню, а я вымыла все полки и предбанник. Напоследок запарила веник в эмалированном тазу. Бабушка готовила особый ужин: запекала курицу с картошкой в духовке. Я слезила в погреб и вытащила банки с домашним лечо, кабачковой икрой и маринованные томаты. Стол будет богатым.

Вот что значит — жизнь в деревне: лето и осень на огороде пашешь, а весь остальной год пируешь на своих трудах.

Позже мама ушла на ферму к вечерней дойке, а когда вернулась, то сразу побежала мыться, чтобы встретить бойфренда во всей красе.

К семи часам хлопнула калитка, и в дверь сеней раздался стук.

— Шурик пришел, — кинулась открывать мама.

Она уже принарядилась в парадное платье, уложила волосы при помощи фена и круглой расчески, и даже подкрасила ресницы. При этом вся сияла как начищенный самовар. Сразу видно — любовь.

Когда она вернулась в дом, за ней шел мужчина с приличной сединой в коротких волосах, средней комплекции и в очках в серебристой оправе с тонкими стеклами. Умные и проницательные глаза внимательно осмотрели меня.

— Знакомьтесь, — сказала мама, — Александр Михайлович, наш доктор и мой... друг. А это моя дочка Ева.

— Очень приятно, — врач протянул руку, в которую я вложила свою, для галантного легкого поцелуя.

— Я тоже рада знакомству, — принялась вежливо расшаркиваться я, — мама рассказывала о вас много хорошего.

Доктор протянул мне коробку с тортом:

— Выбрал самый лучший в нашем магазине. Надеюсь, что он вкусный. По крайней мере, точно свежий...

— Спасибо, — я взяла подарок и поставила на стол для готовки, — как раз будет десертом к чаю.

Решили, что сначала поужинаем, потом полюбуемся весенним закатом, а дальше отправим Александра Михайловича в баню. В смысле — париться. Оказывается, он уже пару раз посещал нашу баньку.

Пока мы сидели за столом, то обсуждали деревенские новости. Когда я третий раз назвала доктора по имени-отчеству, он сказал:

— Ева, зови меня просто дядя Саша или дядя Шурик. Как удобнее. Официальное обращение у меня для пациентов. Да и то половина поселка уже Шуриком кличут. Взрослые и старики просто по имени, а молодежь и детвора «дядю» добавляют. Хорошо, хоть на вы еще обращаться не перестали, — рассмеялся он.

— Тебя у нас очень уважают, — сказала мама, — раньше фельдшеры молодые приезжали, да быстро сбегали. Только местная медсестра на постоянной должности. А теперь свой опытный врач в Ольховске. Да еще и узист. Раньше за любой ерундой в город ездили, а теперь тут лечимся.

— Ничего, — доктор погладил маму по руке, — летом еще фельдшера пришлют и медсестру. Или медбрата... А вообще, надо несколько человек из молодежи в медучилище сагитировать поступать. Тогда и стационар на пару палат открыть можно будет. Ко мне все чаще из соседних деревень поменьше заглядывать начали, прослышали.

— Ага, — хмыкнула бабушка, — и по ночам дергают. А ты один... Вот если у нас хотя бы еще пара докторов была, то посменно дежурили бы в пункте. Медсестра не все умеет...

— Ничего, Зоя Игнатьевна, развернемся, — успокоил ее доктор и переключил внимание на меня, — Ева, ты на свежем воздухе часто в последние месяцы бывала?

Я удивилась вопросу, но ответила:

— Утром на работу, вечером с работы. А по выходным дома за машинкой сидела, частные заказы шила. А чего?

— Слишком ты бледная, — ответил дядя Шурик, — явно гемоглобин низкий и витамина Д не хватает. А сидя за машинкой, ты себе к сорока годам жесткий, хронический остеохондроз заработаешь.

— А что же мне делать? — напряглась я. — Мне нужно работать... Я шитьем зарабатываю.

— ЛФК, — важно ответил гость, — лечебная физкультура для профилактики проблем с позвоночником и мышцами от сидячей и скрюченной работы... Ты когда последний раз медкомиссию проходила?

— На первом курсе института, — смущенно промямлила я. — Но я себя хорошо чувствую.

— Зато выглядишь не очень... Это я тебя не обижаю, а беспокоюсь, как доктор. Приходи завтра утром натошак в фельдшерский пункт, возьмем у тебя общий анализ крови и биохимию. Заодно легкие послушаю... И нужные упражнения для осанки покажу, витаминки пропишу.

Бабуля хихикнула и сказала:

— Ей Акси́нья сегодня травки с заговором прописала. От упыря-мужа выходить Еву решила.

— Знаю, — усмехнулся доктор, — еще днем доложили, что дочка моей Ирины с ведьмой с кладбища шла, а потом под воротами той стояла... Ева, а могу я на эти травы взглянуть?

Я выбралась из-за стола, сходила в свою комнату и принесла кулек. Александр Михайлович вытряхнул на ладонь немного содержимого и присмотрелся к травинкам и ягодкам:

— Хороший набор, — кивнул он и высыпал с ладони сбор обратно, — Акси́нья — хорошая травница. Тут и успокоительные, и укрепляющие иммунитет, и витамин С. Пей его. А я по результатам анализов свое добавлю.

Вскоре все было съедено, чай с тортом выпит, и мы дружно отправились на крыльцо, смотреть на закат солнца, который в это время происходил напротив наших дверей. Перед выходом я щелкнула кнопкой чайника.

Пока все стояли на деревянных ступенях и любовались розовым, вечерним пейзажем, я вернулась в избу, отсыпала в глиняную крынку ложку травяного сбора, залила его кипятком и зашептала в поднимающийся пар, как научила старая Акси́нья:

— Иду из грязи в князи, в пути бросаю пути да связи. Со мной добро да благо, впереди свет да милый лада... Слово мое крепко. Да будет так!

Глава 14. Банник

Когда я мылась в бане, то был десятый час вечера. Пока наш гость парился, потом остывал, пока его проводили, жар поостыл. Бабуля сказала:

— Мне в самый раз. Не тот возраст, чтобы в самом пару сидеть. Я помоюсь и полешек в печку подкину, так Евке свежий жар достанется. И воду у веника обновлю.

Я не боялась мыться одна. Тем более до полуночи еще далеко, когда из-под полка выбирается Банник и начинает шпарить кипятком припозднившихся мойщиков.

Но сейчас в моей жизни происходило столько всего необычного, что я решила даже пообщаться с невидимым духом парилки. Поддала парку и завела речь:

— Здравствуй, хозяйшюка-Банник. Спасибо тебе за печку теплую, за добрый пар... Вообще, спасибо. А я вернулась... Долго в городе жила, замуж сходилa. Думала, что счастливой буду, детишек рожу, а вышло все криво. За упыря, оказалось, вышла. Сначала он хорошо себя вел, а потом обижать меня начал. Да так хитро, виртуозно, что я и не заметила, как завяла. Будто цветок, который вместо воды ядовитой химозой поливали. А старая Аксинья сказала...

При упоминании ведуньи под полком что-то хрустнуло и, кажется, даже хрюкнуло... Я захлопнула рот и начала испуганно прислушиваться. Но больше ничего не происходило. Может, местная нечисть тоже колдунью побаивалась? Или это шум естественного происхождения: доска пола от воды и пара распухла, вот и трещит, упираясь в соседние.

Но мне было жутковато. Сразу вспомнились разные байки про банников, домовых, дворовых... В городе о таких вещах забываешь, а вот в деревне, да еще в потемках... Сразу просыпается первобытный страх перед неведомым. Это что-то на генетическом уровне, на подкорке мозга записанное. Умными словами не объяснишь, а в жаркой бане мурашки озноба до костного мозга пробрались. Бр-р-р!

Я схватила ковш, облила себя теплой водой из таза, намылила мочалку и начала себя отчаянно тереть, приговаривая:

— Слазь с меня, городская грязь. Эдькина подлость пропади пропадом... С мылом, с водой с меня уйди, чтобы вышла я отсюда чистая-пречистая!

Я терла все места, до которых дотягивались руки, чуть кожу не сдирала, порой сама себе больно делала, словно меня безумие охватило. Возможно, накатило то отчаяние, которое вчера слезами в подушку не пролилось. Только сейчас реветь не хотелось. Тело желало обновления. И получало его.

Когда я взялась за веник, то снова поддала парку, который клубами закружился вокруг меня, а я принялась охаживать себя дубовыми листьями...

Когда я вошла в дом и разморённо плюхнулась на табурет в кухне, бабушка протянула мне большую кружку клюквенного морса и сказала:

— Ну вот, совсем другое дело. Румяная да распаренная, как репка в чугушке... Ничо, скоро отойдешь от своих бед и снова зацветешь, аки ромашка полевая.

Я взяла кружку и поблагодарила:

— Спасибо, ба. А мама уже спит?

— Да, ей на заре на ферму бежать... И ты завтра выпись. И не забудь с утра к Шурику сбегать. Они анализы с семи берут, а к девяти машина все уже в лабораторию увозит. Успеешь?

— Успею, — кивнула я и улыбнулась, — выплюсь до половины седьмого и все успею. Но потом с коровой помогать стану.

Бабушка села на соседнюю табуретку и сложила руки на коленях:

— Послушай, внуча, — заговорила она вкрадчиво, — давай, договоримся. Утром с Мартой и Зорькой я буду управляться... Возраст у меня такой, что сама в пять утра глаза откры-

ваю. Никакой будильник не нужен. А вот к вечеру я устаю... А еще огород скоро пойдет. Тебе вечерняя забота о коровах. Устраивает?

Я вскочила и обняла бабушку:

— Конечно, ба! Какая же ты у меня замечательная... Но ты всегда говори, если тебе утром помощь понадобится. Ты же знаешь — я не лодырь.

— Знаю, — тихо рассмеялась она, — ты у нас тоже самая замечательная... Ладно, хватит мне колобродить тут с молодежью. Тоже спать пойду. И ты не засиживайся.

Она поднялась и пошла в комнату, слегка шаркая тапочками по полу. А я снова взяла кружку с морсом:

— Спокойной ночи, бабулечка, — прошептала я.

— И тебе сладких снов, — тихо ответила она не оборачиваясь.

Вот же ж... А когда ей надо, может глухой прикидываться. Особенно если чужие с глупыми вопросами пристают. Хитрюга.

Мне бы ее мудрость и жизненный опыт. Глядишь, и не вляпалась бы в «счастливый» брак. До свадьбы мама с бабушкой Эдика всего несколько раз видели, но тогда он был сама милота... Да и на людях всегда держал марку: галантный с дамами, обходительный с пожилыми, достойно-вежливый с мужчинами. Только я знала его истинное лицо, что проявлялось, когда мы оставались наедине. Упырина...

В последний год семейной жизни мне часто не хотелось идти домой. Знала, что встречу там только критику и осуждение. Ведь я все делала не так, как надо... Глупая же... Каждый раз, когда я поднималась по ступенькам подъезда, то гадала: в каком настроении встретит меня супруг. Хмуром, сердитом или с холодным безразличием в глазах.

А вдруг с улыбкой? Бывало и такое. В эти дни я радовалась, словно собака, которую похвалил хозяин. Начинала готовить что-нибудь особо вкусное к ужину, что-то счастливо щебетала, а Эдик подходил, обнимал меня и шептал, прижавшись щекой к моим зачесанным в хвост волосам:

— Евочка, хозяйюшка моя...

А потом чаще всего добавлял:

— Поторапливайся... Я сегодня в особом настроении.

А до меня даже не доходило, что это был всего лишь пряник, среди абьюзерских кнутов упыря... Жертву нужно иногда приласкать, чтобы расслабилась. Не сорвалась с крючка.

Я сорвалась. И то, благодаря случайности, в виде застуканной любовницы. А выйди я из дома на пять минут позже? Или села на другой автобус? Так и продолжила бы жить с упырем, пока он окончательно меня не сожрал.

Судя по статьям, которые я успела прочитать, скоро он должен явиться за мной. Жертву нужно доломать! Но пока Эдик даже не звонил. И не писал сообщений. Ну и хрен с ним...

Я допила морс, выключила свет и отправилась в свою комнату. Лучше перед сном подумаю о чем-нибудь приятном. Например, о новой прическе. Или работе... Или завтрашнем дне без Эдика.

Глава 15. Недоброе утро

Будильник в телефоне протрезвонил в половине седьмого. Открыв глаза, я села в кровати и потянулась. За окном светало, а на кухне слышался тихий стук банок. Значит, бабуля уже подоила корову.

Накинув халат, я вышла к ней и поежилась:

— Доброе утро, ба. Что-то зябко у нас.

— И тебе поздорову... Так печку еще не топили. Иринка на ферму убежала, а я к корове пошла. Сейчас молоко процежу, дрова принесу и затоплю.

— Занимайся молоком, — всполошилась я, — я сейчас все равно во двор побегу... на обратном пути дрова прихвачу.

Я пошла в комнату, надевать домашнюю одежду, а бабуля крикнула вдогонку:

— Куртку накинь, приморозило с утра.

Послушно надев поверх старой водолазки зеленую вытертую куртку, что давно превратилась в робу для надворных работ в прохладное время, я выскочила на крыльцо. Уличный термометр показывал всего четыре градуса тепла. А вчера днем все пятнадцать было... Кажется, майские заморозки в этом году ударят чуть раньше. Но это не помешает подготовить нам грядки, парники и теплицу к высадке рассады.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.